

Восклицательный знак — эпизод 2

из 2

Перекладин открыл глаза и повернулся на другой бок. Но не успел он вновь закрыть глаза, как на темном фоне опять появились восклицательные знаки. Чёрт их возьми... Когда же их ставить нужно? подумал он, стараясь выгнать из своего воображения непрошенных гостей. Неужели забыл? Или забыл, или же... никогда их не ставил...

Перекладин стал припоминать содержание всех бумаг, которые он написал за сорок лет своего служения; но как он ни думал, как ни морщил лоб, в своем прошлом он не нашел ни одного восклицательного знака.

Что за оказия! Сорок лет писал и ни разу восклицательного знака не поставил... Гм!.. Но когда же он, чёрт длинный, ставится?

Из-за ряда огненных восклицательных знаков показалась ехидно смеющаяся рожа юноши-критика. Сами знаки улыбнулись и слились в один большой восклицательный знак.

Перекладин встряхнул головой и открыл глаза.

Чёрт знает что... подумал он. Завтра к утрени вставать надо, а у меня это чертобесие из головы не выходит... Тыфу! Но... когда же он ставится? Вот тебе и привычка! Вот тебе и набил руку! За сорок лет ни одного восклицательного! А?

Перекладин перекрестился и закрыл глаза, но тотчас же открыл их; на темном фоне всё еще стоял большой знак...

Тыфу! Этак всю ночь не уснешь. Марфуша! обратился он к своей жене, которая часто хвасталась тем, что кончила курс в пансионе. Ты не знаешь ли, душенька, когда в бумагах ставится восклицательный знак?

Еще бы не знать! Недаром в пансионе семь лет училась. Наизусть всю грамматику помню. Этот знак ставится при обращениях, восклицаниях и при выражениях восторга, негодования, радости, гнева и прочих чувств.

Тэк-с... подумал Перекладин. Восторг, негодование, радость, гнев и прочие чувства...

Коллежский секретарь задумался... Сорок лет писал он бумаги, написал он их тысячи, десятки тысяч, но не помнит ни одной строки, которая выражала бы восторг, негодование или что-нибудь в этом роде...

И прочие чувства... думал он. Да нешто в бумагах нужны чувства? Их и бесчувственный писать может...

Рожа юноши-критика опять выглянула из-за огненного знака и ехидно улыбнулась. Перекладин поднялся и сел на кровати. Голова его болела, на лбу

выступил холодный пот... В углу ласково теплилась лампадка, мебель глядела празднично, чистенько, от всего так и веяло теплом и присутствием женской руки, но бедному чиновнику было холодно, неуютно, точно он заболел тифом.

Знак восклицательный стоял уже не в закрытых глазах, а перед ним, в комнате, около женина туалета и насмешливо мигал ему...

Пишущая машина! Машина! шептало привидение, дуя на чиновника сухим холодом. Деревяшка бесчувственная!

Чиновник укрылся одеялом, но и под одеялом он увидел привидение, прильнул лицом к женину плечу и из-за плеча торчало то же самое... Всю ночь промучился бедный Перекладин, но и днем не оставило его привидение. Он видел его всюду: в надеваемых сапогах, в блюдечке с чаем, в Станиславе... И прочие чувства... думал он. Это правда, что никаких чувств не было... Пойду сейчас к начальству расписываться... а разве это с чувствами делается? Так, зря... Поздравительная машина...

Когда Перекладин вышел на улицу и крикнул извозчика, то ему показалось, что вместо извозчика подкатил восклицательный знак.

Придя в переднюю начальника, он вместо швейцара увидел тот же знак... И всё это говорило ему о восторге, негодовании, гневе... Ручка с пером тоже глядела восклицательным знаком. Перекладин взял ее, обмакнул перо в чернила и расписался:

Коллежский секретарь Ефим Перекладин!!!

И, ставя эти три знака, он восторгался, негодовал, радовался, кипел гневом. На тебе! На тебе! бормотал он, надавливая на перо.

Огненный знак удовлетворился и исчез.